Неясное будущее человечества — Джин Хьюстон

Берт Парли: Я большой поклонник и исследователь трудов Джин Хьюстон, с которой некоторые из вас могут быть в какой-то мере знакомы. Джин — американка, она была одним из основателей движения за человеческий потенциал, которое обрело полную силу в 1960-е. У неё удивительная родословная: её мама и папа трудились на ниве эстрады, она выросла в этом мире, изучала театр. Это окрашивает её тренинги и лекции. Она пионер в области развития человеческого потенциала. Она участвовала в стольких экспериментах, происходивших в то время в мире.

У неё было огромное число встреч с замечательными людьми, так что речь идёт о чём-то вроде истории Джин о встречах с замечательными мужчинами и женщинами. В частности её очень привлекли мифологические труды Карла Юнга и Джозефа Кэмпбелла. Она много обучалась у Маргарет Мид. Взаимодействовала она и с Бакминстером Фуллером, Эдгаром Митчеллом (одним из ранних астронавтов НАСА, высадившихся на Луне) и так далее, и тому подобное. Джин написала много книг; оказала серьёзное влияние на формирование культуры с точки зрения привнесения традиций и культур мудрости вплоть до Белого дома, о чём мы её расспросим. Джин много исследовала психологию развития, которая является объектом страстного интереса для многих людей, участвующих в этом конференц-звонке, учитывая труды Кена Уилбера и других авторов, когда мы рассматриваем эволюционное развитие, на тему которого у Джин были выступления. Я считаю, что она привносит по-настоящему ценную перспективу на всё это с точки зрения своего опыта. Джин, добро пожаловать на нашу конференцию «Просветление»!

Джин Хьюстон: Здравствуйте все. Рада быть со всеми вами. Как указал Берт, я на свете ещё с той поры, когда у Господа были молочные зубы! Так что, надеюсь, мне есть что сказать с точки зрения своего опыта. Спасибо за то, что пригласили.

Берт: Недавно ты была в Германии, и у тебя был опыт, который некоторым образом касается того, какие различия и сходства в восприятии людей разных аспектов трудов Кена Уилбера и в общем воззрений на психологию развития.

Джин: Да, это в своём роде трагикомичная история. Я читала лекцию на конференции «Great Celebration», собравшую 1200 человек, преимущественно немцев, а также провела несколько тренингов. Вечером к нам посредством выведенного на экран скайп-сеанса присоединился Кен Уилбер, который со всей

своей представительностью дал краткое, но при этом довольно полное обобщение стадий развития. Это было очаровывающе, ведь нас окружали довольно молодые немцы, а в центре я обнаружила себя сидящей среди необычайно опытных женщин, глав советов управления, лиц, создававших экопоселения, все они были хорошо известны, очень опытные женщины старше сорока. Мужчины были моложе.

Когда говорил Кен, было очень интересно: молодые люди кивали, говорили по-немецки: «Наконец-то нам сказали правду! Всё настолько становится понятно!» А во внутреннем круге, где были эти шикарные женщины, каждая из них несогласно качала головой. Так что после у меня был шанс с ними обсудить сказанное, они сказали, что всё работает совсем не так. Была предложена совершенно мужская перспектива. Мол, мы были в полевых ситуациях и нашли для себя, что такая стадия развития попросту неправда. Когда действительно вступаешь во взаимодействие и вглядываешься в людей, можно найти лиц из разных культур, которые, как кажется, имеют мало опыта этих более высоких стадий развития, но в действительности, невзирая на всю их нищету, иногда голод, они приходили ко многим сходным идеям.

Это привело меня к тому, что мне повстречалось несколько лет назад в Новой Зеландии. Когда я говорила с одним новозеландцем, бывшим кем-то вроде шамана, очень вовлечённого в свою культуру. Он описывал мне с перспективы новозеландских мифов и знаний то, что на деле было абсолютным аналогом современной физики, а также эволюцию обществ. Он произнёс следующие слова на эту тему: «Всё здесь, в нашей мифической структуре».

Так, это мне придало импульс, потому что, как знаете, я работала в 108 странах, интенсивно соприкасалась примерно с 40 культурами, как в рамках ООН, так и в рамках других международных организаций. То, чем я занимаюсь, называется социальной артистичностью, развитием человека в контексте социальных изменений. У меня много опыта работы с тысячами людьми с применением того, что можно назвать «пробой глубины» человеческой психики. И это включает коренные народности, аборигенов, а также толкателей рикш и людей, заправляющих крупными нефтяными предприятиями в стеклянных небоскрёбах Далласа. В работе со столькими представителями коренных народностей, когда я осуществляю «пробы глубины», я исследую их образность. И в этих исследованиях я нахожу то, что, по-видимому, понимает все эти стадии. Итак, эти люди не соприкасались с западной культурой. И я вижу, что у них есть все те вещи, о

которых говорят Гебсер и Кен Уилбер: архаическое, магическое, мифическое, ментально-рациональное и интегральное. И интегральное настолько же присутствует, как и мифическое с магическим, просто сформулировано другим языком.

Это привело меня к убеждению, — хотя я и не отрицаю возникновения этих конструктов, особенно в западном разуме, западном сознании, — когда вы посещаете Африку, племенную Индию или другие коренные народы, скажем южнотихоокеанского региона, можно часто обнаружить, что они проходят через все те же процессы, хотя у них нет опыта структур развития, описываемых Гебсером и Кеном. Так что я не отрицаю этих структур, но, быть может, можно утверждать, что есть предшествующее онтологически состояние, которое всё это понимает, особенно в шаманских культурах — культурах, где людям требуется танцевать, петь, выражать и мифологизировать то, что они знают, те данности, которые постигают то, что можно назвать Вселенским знанием, трансцендирующим и время, и пространство, уже являющимся частью некой данности. Совершенно точно, что это можно найти и в мистическом опыте.

Можно взять пример кого-то вроде Хильдегарды Бингенской, родившейся в конце 11-го века, которая в течение своих 82 лет жизни смогла создать музыку, которая на два — три века опережала современную ей музыку; ботанику, на сотни лет опережавшую своё время; биологию, понимание государственного управления и так далее, все они были впереди того, что было доступно в её период. Теперь кто-то вроде Оливера Сакса может сказать, что у Хильдегарды были мигрени, что действительно так. Но вместо того, чтобы говорить: «Боже мой, как же у меня болит голова!» — она прорывалась через белую скотому в иное поле реальности — поле реальности, в котором, по-видимому, ей становился доступен вселенский пул знаний.

Посему у коренных народностей, которым доступны практики этого глубинного уровня постижения, я обнаружила выраженные в других словах всё те же понимания и способы познания. И, вполне определённо, их экология намного ближе к тому, что требуется миру для выживания, нежели экология или экологические излишки так называемых «более развитых обществ». Так что здесь у меня есть возражения.

Итак, когда Кен говорит, что интегральное понимает их все, я особо этого не отвергаю, но это некоторого рода элитистский взгляд, принадлежащий одному концу спектра. В случае с коренными народами, у них, похоже, есть такого рода

знания, но используют они иную метафору. Мне кажется, ключом здесь является следующее: как же нам исследовать эти метафоры, которые зачастую упрятаны в мифической структуре, чтобы можно было понять и по-настоящему выяснить внутренние особенности человеческого развития, уже здесь указанного. Иными словами, я утверждаю, что есть априорный уровень сознания, предшествующий самим эмерджентным структурам.

Берт: Ты указываешь на эти онтологические данности, которые вплетены и возникают качественно отличающимися способами. Какие уроки ты извлекла из метафор, тех, которые аналогичны, и тех, которые отличаются от традиционных, аборигенных культур?

Джин: Это тема для десятичасового разговора! Позволь мне по-другому подойти к вопросу. Давай посмотрим на некоторые вещи, о которых говорят Гебсер и Уилбер. Например, все эти стадии, с моей точки зрения, имеют внутри себя как более глубокие, так и более высокие формы развития. Так что то, что мы видим, есть не только признание этих структур по мере того, как мы исследуем различные культуры, но также и возвращение к самим структурам. Например, архаическое сознание есть возвращение в наше время к шаманскому и первобытному чувству «единства нас и природы». Если этого не сделать, нам всем крышка. Для нас данностью является наличие сегодня экологического холокоста, в котором мы пребываем из-за того, что не продолжили архаическое сознание и чувство единства с природой, тем самым будучи эксплуататорами природы, вместо того, чтобы быть её хранителями.

Магическое сознание, в простейшей своей форме видящее события как нечто возникающее из сокрытых сил, которыми нужно научиться управлять, как в своей более высокой, так и в своей более глубокой форме развития, относится к сонастройке между «я» и природой, а также к оркестровке состояний сознания, подключению к сокровищнице подсознания. Так что магическое сознание сегодня предлагает видение объединённой реальности, подобное предлагаемому квантовой физикой. Таким образом бакалейщик маори, с которым я разговаривала, рассказывал мне не только магическое воззрение, он также связывал меня с квантовой физикой. Магическое сознание есть видение взаимопроникновения материи и духа, которое тоже соответствует сегодняшнему пониманию соотношения волны и частицы.

Итак, когда вы переходите на следующую стадию — мифическое сознание — в его сущностной форме оно понимает события и осмысляет мир посредством великих

историй и деяний «богов» (и под богами, знаете, я имею в виду множество пограничных личностей) или систем энергий, которые собирались созвездиями вокруг той или иной конкретной истории, конкретного поля, конкретной частоты, затем олицетворяемой в качестве «Бога». В своей текущей форме эти мифические паттерны рассматриваются как психологические конструкты, которые дают не только смысл, но также и страсть к достижению высших целей с пониманием, что на пути к их достижению ждут испытания; отсюда в наше время и очарование мифом и мифическими упорядоченностями сознания, как, например, в случае с необычайной популярностью моего старого-доброго друга Джо Кэмпбелла.

Когда добираешься до ментального и рационального сознания, как считается — текущего состояния западного сознания (что не распространяется на другие части мира), оно стремится не только к рациональному пониманию, но также стремится и создавать объективные описания всего, что есть во вселенной. Однако в более глубоком состоянии, которое можно встретить в случае с коренными народами (и которое можно ещё назвать более высоким состоянием), это есть разновидность рассудительности, позволяющая интеллекту человека выделять паттерны и их взаимоотношения друг с другом, — то, что Бейтсон называл «связующим паттерном». Каково будет смотреть на связующие паттерны таким образом, который позволяет разрабатывать видение, стратегию и дизайн мира, который по-настоящему заработает? Затем можно говорить о возникновении интегрального сознания на Западе именно как что-то вроде этого: формы сознания, которая, как мы надеемся, способна интегрировать другие формы в новом и более свободном единстве, которое интенсифицирует сознание по мере того, как то открывается для всецело нового понимания того, кто, что и где мы есть, а также каковы могут быть наши эволюционные роли.

Позвольте мне вновь подчеркнуть: индивидуально, по крайней мере внутри себя, а также, на мой взгляд, то, что будет возникать как планетарная цивилизация, имеющая не только высокую индивидуацию культуры, но и глубинное почтение ко всем этим различным стадиям, — я вижу, что это будет скорее двустороннее отношение, а не иерархическое. Мы видим возрождение магии и шаманских путешествий и практик. Далее и квантовая физика с её концепцией связанности на расстоянии, которое укрепило единый мир магии. Мы видим возрождение мифического мышления, через труды Юнга и Кэмпбелла, а немного даже и в моих трудах, коль скоро люди проторить дорожки в будущее. Это очень важно… потенциально возможные пути понимать мир. Также есть и интерес к древним архетипам, которые, похоже, вновь восстали, чтобы заново вырасти и воплотиться

в новых паттернах. Есть и концепция соответствия — то, как соотносятся паттерны звёзд и паттерны индивидуальной жизни, — которая является частью мифического возрождения. Видеть качества времени как циклические или даже фрактальные резонансы, эта вся свистопляска вокруг 2012 года является частью мифического возрождения плодотворности циклического восприятия. И мы видим рациональную перспективу, которая всегда себя утверждает в науке и даже психологии, а с недавних пор и в теологии с богословами, обсуждающими нейрональные основы религиозного опыта. Ещё капитализм, коммерциализм, важность объективной материальной реальности, которая является его основанием, продвигают эту ментально-рациональную перспективу. Это воззрение, само по себе, страдает от неспособности видеть вещи в их целостности.

Я прихожу к тому, что в природе сознания естественно функционировать во множестве модусов. Мы являемся протосуществами, нравится нам это или нет. Однако по мере того, как мы наблюдаем трагические события, разворачивающиеся сегодня, нам хорошо знакома тревога, приходящая с распадом традиционного режима сознания, что активирует регрессии к более тёмным, теневым вариациям ранних модусов — модусов, которые обещают спасение от разрушительного действия растворяющей структуры. Итак, сегодня мы начинаем совершать переход к почти новой, другой модальности бытия; получило широкое распространение анахронистическое движение по бегству в более тёмные формы раннего сознания. Я имею в виду демонические вариации мифического модуса — в форме трибализма и религиозного фундаментализма, — бегство к магическому принимает форму принятия наркотиков и психоактивных веществ, используемых для того, чтобы получить более добрую и интересную реальность. Проблема здесь лежит в регрессии к более раннему культурному модусу без наличия культуры, которая его бы поддерживала. Ведь культура, которая его поддерживает, придавала бы ей намного более светлое выражение.

Но я считаю, что хорошие новости, наконец-то, в том, что наша человечная бытийность по своей природе предрасположена к функционированию во многих модальностях. Это включает магическое, мифическое, ментальное; как следствие, и мы тоже имеем феномен прорыва времени в наше время. То, что Гебсер называл «не-временн*ы*м временем» (или «атемпоральным временем»), в котором мы имеем доступ к непреходящему источнику. И вся вселенная, как нам известно, воссоздаёт себя из непреходящего источника секунда за секундой. Посему мы находим, как мне кажется, множество людей, участвующих в этом звонке, находят и будут наблюдать в своих жизнях то, что вместе с данностями доминирования над нашим

обществом ментального/линейного времени, многие из нас стремятся к магической вневременности, а также мифическим сезонным и ритуальным формам времени для того, чтобы перескочить в не-временную, не-рациональную свободу от времени. Таковы мои мысли на сей счёт.

Берт: Замечательный ракурс на предмет твоей страсти, Джин: оживление вечной мудрости, наших циклических и мифических контекстов, которые вневременны, то самое кайросическое время, о котором говорили древние греки.

Джин: Время кайрос — да, конечно. «Кайросический» — это термин, который я ввела, чтобы обозначить Эрос — страсть данного времени, то есть того, в котором мы находимся сейчас. Однако позвольте мне ещё кое-что добавить к этому. Я путешествую по всему миру, и меня не перестаёт удивлять то, насколько значительная часть священных ритуалов, священных танцев и священной драматургии разных культур касается мифических припоминаний и воспроизведения творения. Множество священных практик касаются тайны проникновения в творение, то есть сонастройки тела, разума и духа с тем, чтобы попасть в пространство центрированности, в котором вечно существует творение. Видите ли, это онтологическая данность, которая существует прежде, нежели творение. Когда я говорю «вечно существует», я всего лишь вторю большинству древних и первоначальных народов, веривших в нечто, к чему современные физики и космологи приходят: что, в действительности, есть непреходящий источник. Творение происходит всё время. Оно непреходяще, оно всегда доступно. И наиболее удивительной является драматическая и духовно богатая перспектива, которой придерживаются сегодня визионеры-космологи, такие как Брайан Свимм, почивший Томас Берри, Фритьоф Капра и другие, которые приходят к тому, чтобы лицезреть творение в том, что можно назвать только лишь «мифическими формами». Наш космос есть живущий организм, воссоздаваемый каждое мгновение непрекращающейся, протекающей энергией из — что тут можно сказать? — изначального генератора.

Берт: Ты отметила измерения процессов, изучавшихся Свиммом и другими, то, что вселенная и вправду жива в развитии духа, есть, конечно же, то, о чём Лавлок говорил, формулируя концепцию Геи для обозначения происходящего на нашем местном планетарном уровне. Я на днях читал книгу Брайана «История вселенной» («The Universe Story»). Он очень много говорит о том, что когда мы думаем о развитии и его процессе, развёртывающемся, принося доброе, плохое и злое, и то, как эмерджентные структуры привносят вместе с ними разрушительный

элемент, — знаешь, весь принцип созидательного разрушения. Ты много писала об этом переходном моменте, в котором мы сейчас находимся, когда мир становится глобальным, а люди, подобно Дону Беку, даже говорят о том, что от [в терминах спиральной динамики] бежевого начинается рождение мироцентрической реальности, каковая была вызвана во многом упоминаемой тобой взаимосвязанностью всей новой социально-экономической базы. Наука, хорошо это или плохо, сыграла в процессе удивительную роль.

Какими ты видишь требования, которые может взыскать с нас миф по мере совершения нами этого шага? Будет ли это, как очень часто было, когда мы проходили через новые сдвиги в эволюционном развёртывании, чем-то подрезающим, корректирующим процессом, который мы могли бы и должны ожидать? Или как нам воспротивиться этому? Как нам охватить природу циклов жизни, смерти и перерождения во всём этом? Что тебе говорит твоя интуиция в отношении рассматриваемого нами, коль скоро мы пытаемся породить глобальную структуру?

Джин: Я считаю, пытается проявиться нечто называемое мной «временем прыжка». Время прыжка — это вариация на то, что называется «прерывистым равновесием» в науке об эволюции. Можно анализировать сотни тысячелетий ископаемых в горной породе, все они выглядят вполне одинаково. А затем внезапно происходит скачок! Не за одну ночь, но за очень короткий период эволюционного времени, судя по всему, происходит прыжок к иному порядку бытия. Итак, я думаю, что мы находимся во времени прыжка, в прерывистом равновесии, в котором сегодня никак не будет похоже на завтра, а завтра совершенно не похоже на вчера. Проблема же в том, что психологически лишь немногие из нас были обучены для того, чтобы совладать с подобным изумительным эволюционным ускорением.

Я наблюдаю усиление власти образов, а также духовных метатехнологий, приходящих из столь разных пространств и времён. Мы живём в период, когда можно снять урожай человеческого опыта со всей планеты. Многие люди обнаруживают себя в чём-то вроде божественного деликатесного рая, ну знаете, в котором есть буддисты-евреи, суфисты-евангелисты и т. д. (ну может, не евангелисты, конечно, но…) Происходит соединение перспектив, ранее никогда не наблюдавшееся. Это очень похоже на ренессанс. Если по-настоящему рассмотреть, как в действительности произошёл Ренессанс: ренессанс происходит из-за громадности — как же выразиться — восстающих глубин.

Давайте взглянем на Ренессанс 15–17-го веков. Дело не просто в том, что кто-то лопатами выкопал великие статуи, и не в падении Константинопля в 1483 году, и не в том, что все эти учёные, хранившие гениальность западного мира, пришли и просветили нас новыми перспективами. Произошло что-то иное. Словно бы открылась перспектива. За век до этого был Петрарка, который забрался на Мон-Ванту и сказал: «О боже! Подо мной южная Франция, я могу видеть Альпы, я вижу Средиземное море, я вижу долину Рейна, я вижу северную Италию!» И затем его потянуло внутрь: он заглянул вовнутрь и открыл невероятные образы своего внутреннего мира. Тогда он посмотрел по сторонам, увидел эту обширную перспективу, вновь заглянул вовнутрь и сказал: «Моё внутреннее пространство равно, если не более обширно, нежели моё внешнее пространство!» Для меня это было провозглашением пророческого момента, когда внутренний мир замерцал во внешнем. Внешний мир стал одушевляться, поскольку перспектива внутреннего пространства стала намного большей, чего ранее не было.

Затем, конечно же, появляется Леонардо да Винчи, написавший невероятную монографию на тему перспективы, её оттенков и деталей, опираясь на что можно начать делать машины, ведь доселе этого не было. Но также есть и революция в перспективе: Микеланджело создаёт новую архитектуру в Кафедральном соборе; Везалий видит перспективу в теле; изобретается кружево; Кеплер, Коперник, Галилей — перспектива в телескопе; Левенгук — перспектива в микроскопическом мире. Всё расцвело. Когда пришла перспектива, произошла революция как внешнего, так и внутреннего миров, а также эволюция внутреннего и внешнего миров, так что произошло радикальное ускорение.

Я считаю, что мы в историческом периоде, сходном тому времени, когда пришла перспектива, не только благодаря новым космологиям, показывающим нам, где наше место во вселенной и как вселенная работа — опять же я говорю о замечательных трудах космологов вроде Брайана Свимма, — но мы приобретаем и сходную перспективу об аналогах этой вселенной, существующих внутри нас. То, что в нас есть такой же доступ к гомеостазу, центрированию, притягательной силе, бесшовности, энтропии, трансформации. Все разнообразные структуры, имеющиеся во вселенной, в действительности существуют и в нас самих. Не только мы живём во вселенной: вселенная живёт в нас.

Всё это медленно засеивается, прорастает, пробуждается в утробе подготовительного настоящего времени, готовится вот-вот восстать, — я и вправду в это верю, — в виде новых форм управления, точно что касается финансовой

сферы. Старые структуры разрушаются с безумной скоростью, тогда как эти новые перспективы, подобно тому, что происходило в период Ренессанса, высвобождают нашу изобретательность, открывают наш разум для совершенно нового порядка реальности. Именно над этим я тружусь по всему миру, пытаясь найти формы — как настоящие, так и будущие, готовящиеся эмерджентно возникнуть, — которые приведут нас к иному виду культуры и цивилизации.

Сказав всё это, нужно подытожить: «Что ж, тогда что есть — и я имею в виду: по-настоящему — что есть культура в таком случае?» Культура по всему миру находится в состоянии массивного сдвига и разлома, катарсиса истории и традиции, она ищет новую архитектуру смысла и формы. Уж точно нашему веку характерна дезинтеграция границ, ценностей, условностей, всех формальных правил, которые когда-то удерживали в границах искусство и большинство привычных нам способов восприятия мира. Этому причины глобальный потребительский капитализм, загрязнение окружающей среды, конец цикла времени, начало нового цикла, переход в эволюции сознания, наконец — видение растворения формы в качестве причины для празднования и кардинального обновления. По моим ощущениям, восстание того, что можно назвать второй сверхдержавой — самого народа — очень важно. Эти плуты с Уолл-стрит в ловушке старых путей познания, давно уже мёртвых, и я обещаю вам, что в течение следующих десяти лет этот груз потянет их на дно. Люди склонны созерцать старые политические происшествия, а не более глубокие структуры культуры, которые лежат в их основе.

На самом деле происходит то, что (и именно это всерьёз рассмотрел Кен Уилбер) есть многомерность мировоззренческих течений сегодня. Эта многомерность стремится выйти за пределы чего-то отдельного и найти связующий паттерн. Я вижу, что в культуре происходит именно это. Что же такое «культура»? Культура есть неотъемлемая сердцевина людского томления. Именно в ней созидаются общественные смыслы. Это великий живущий архив совместно разделяемой мудрости. Она становится зерцалом жизни людей. Она обогащает их предназначением, обогащает их приправами и уксусом, позволяет им реализовывать потенциально возможное. Однако смысл в том, что каждый жест хранится в виде повторяемых паттернов и тонком варьировании, что формирует живую ткань для их совместного опыта. Посему культура становится совместно спроектированной структурой общения и уникальной эстетикой человеческого обучения и совместного разделения. Она пробуждена и жива в том пространстве, где выражаются и проявляются совместные чувства и мысли. И она является

великим живущим зерцалом путешествий с совместными смыслами, совершаемых людьми. Она становится картой сокровищ, чьи тайные контуры затем оживают в коллективном воображении.

Итак, о чём же нам разговаривать во взаимосвязанном мире? Эти ребята с их трансцендентально огрубевшими от написания смсок пальцами представляют собой ранние типы перепрошивки, если можно так выразиться. Я не настолько удручена этим, как остальные. Однако как раз ранний тип перепрошивки нового типа взаимосвязей ещё не возник, а вместе с ним возникнет кардинальным образом отличающиеся социальные и коллективные формы. Всё это формируется в нашей технологии, но также и в технэ — в искусной форме ренессансного эмерджентного возникновения целого нового коллективного разума/тела/духа, нового *zeitgeist* (духа времени). «Цайт» становится довольно «гайстым»! («The zeit is getting geisty!»)

Берт: Взаимосвязанность, которая, по иронии судьбы, в некотором смысле обеспечивается наукой, есть перекалибровка и перезагрузка культурных систем капитализма, падение Уолл-стрит. Джин, по твоим ощущением, какова доля и роль капитализма, науки, этих структур, которые, с одной стороны, принесли столько разрушений, экологических проблем, угроз нашей жизни в столь многих формах, и всё же, с другой стороны, вывели половину земного населения из нищеты? По-твоему, что происходит в культурном плане в смысле попыток перестроить эти фундаментальные структуры науки и капитализма в надвигающееся время?

Джин: Что ж, во-первых, вернёмся к первичным вещам, которые коллапсируют: а именно — наши традиционные идеи о пространстве и времени; это, в свою очередь, ведёт к распаду всевозможных форм, общественных и нравственных кодексов, кодексов поведения, различий между гендерами и гендерными ролями. Величайшим из всех является медленное, но верное возвышение женщин до полноценных партнёрских отношений с мужчинами в целой размерности человеческих отношений. Это всего за несколько лет приводит к отмене ожиданий, культивировавшихся целые тысячелетия. Структура и композиция в литературе, музыке, архитектуре, живописи, межличностных отношениях, политике и экономике — во всём, что только можно помыслить: всё теперь относительно. Мало что или вообще ничто теперь не является абсолютным или правильным: именно поэтому мы видим распространение столь многих видов фундаментализма, ищущих старые формы абсолютного. В начале 20-го века физики обнаружили, что вся материя состоит из полей энергии; в действительности материя и энергия

взаимозаменяемы, а точнее — каким-то образом являются одним и тем же. Законы физики сами попали в область неопределённости и недетерминированности, что, в свою очередь, влияет на весь западный мир и аналоги западного мира.

Ничто не дискретно и отдельно. Всё представляет собой великую кашицу, сплетающуюся со всем, влияющую на всё, тем самым, в какой-то степени, сотворяя нашу собственную реальность. Кашица эта не особо отличается от той, в которой находит себя известная гусеница, когда она — или он, или оно — растворяется в этой кашице, а затем из этой кашицы возникают эти имагинальные созидательные клетки потенциального становления, которые каким-то образом соединяются, отделяются от кашицы и затем возникают в виде бабочки — трансцендентной формы.

Я считаю, что мы находимся именно в этой точке: мы сейчас в этой коконообразной стадии становления бабочкой. Пространство сжалось, время ускоряется, старые истории, которые мы привыкли рассказывать себе о мире, теперь потеряли истинность. Даже западная наука признаётся как нечто, являющееся, как я бы выразилась, социально сконструированной реальностью, а не, повторюсь: НЕ тайной техникой создания объективных фотографий вселенной.

Мне нравится взирать на искусство; мне нравится взирать на музыку. Всё разваливается. Нет никаких ограничений в отношении метода или материалов: в полотне смешались различные странные конфигурации. Когда-то я знала Джона Кейджа: он вместе объединяет звуки при помощи И-Цзин. Послушайте его музыку: вы заметите, что традиционные строительные блоки из музыки, мелодии, гармонии, ритма отброшены во имя таких звуков, как мозговые волны, крики птиц, магниты, звуки падающих страусиных яиц и т. д. Акцент делается на шансе, остроумии, изобретательности и импровизации. То же самое справедливо и для музыки, литературы, танцев и всех видов искусств. Нет более различий между высокой культурой и поп-культурой. Взгляните на романы, которые смешивают прошлое и настоящее, историю и фикцию, уличный жаргон и изощрённый язык; взгляните на архитектуру — величайшее размытие времени и слияние эпох. Ничто не священно. Взгляните на длительный, устойчивый акцент на определённых публичных скандалов, никуда не развивающихся, ни к чему не ведущих, кроме как к осознанию нашей неисчерпаемой глупости и равным образом неисчерпаемой, откровенно непристойной увлечённостью этой глупостью. Взгляните, что происходит с рабочими местами. Несвязанный мир, который одновременно столь тесно взаимосвязан и столь всецело вышел из-под контроля. Финансовые

аналитики однажды отметили, что у глобальной системы нет центра: это децентрированное пространство потоков, а не структурированное пространство производства.

И человек — о гордый человек! — если бы его позвали в парламент всех существ, оказался бы подвергнут остракизму сообществом видов по причине своей смертельной опасности, которую более невозможно терпеть. Я думаю, что именно поэтому столь много людей ищут суррогатный опыт взамен реальному: стремятся окружить себя развлечением. Куда вы везёте своих детей на каникулы? В Диснейленд! А это ведь предвестник виртуального развлечения, которое не за горами. Тут хотя бы вы будете сохранять внешнюю экологию, загрязняя только лишь свои мозги.

Однако я считаю, что нечто громадное готовится к тому, чтобы произойти. Большой проблемой является то: каким образом возможно решить, кем должны стать люди, когда их понимание, кто они такие, станет всё более размытым? Или, если скромно, как можно удерживать свою жизнь воедино перед лицом возрастающего давления? Я обнаруживаю дезинтеграцию; её видно во всех видах общественных договоров: в брачных обетах, в традиционных формах гендерных различий, в сексуальных предпочтениях. Со всеми опциями в доступе мы живём в мире, как повернул это один критик, в котором все старые комедийные и драматические барьеры к удовлетворению любви были растворены, лишив нас материала даже для хороших романтических фильмов (я имею в виду новый фильм Мэрил Стрип «Весенние надежды»).

Так что мы наблюдаем распад границ. Бэби-бумеры посещают специальные лагеря специально для того, чтобы установить друг с другом глубокую связь при помощи древних ритуалов. Мужчины ближе к сорока пытаются омолодиться при помощи «Виагры». Пенсионеры ожидают вскоре получить радикальное продление жизни, — и получат своё. Возникают новые профессии. Так что из этого хаоса, из этой кашицы возникают те самые имагинальные клетки, говорящие: «Великолепно! Теперь у нас есть материал, с помощью которого можно построить новую реальность и новый социальный конструкт». Одна из вещей, которые я прямо сейчас делаю, состоит в том, что я собираю вместе по-настоящему важных мыслителей, чтобы исследовать: на что может быть похож мир, который действительно работает, учитывая безграничность, учитывая созидательные возможности и возрождение глубин, которые нас туда приведут?

Берт: Коль скоро ты столь часто упоминаешь это переходное пространство и аналогию с бабочкой, — не знаю, видела ли ты большую всемирную сцену, которую мы наблюдали последние несколько недель в рамках Олимпийских игр: на церемонии закрытия фигурировал этот замечательный образ феникса, сконструированный организаторами в виде символа перехода, когда огонь передавался в факелы, направляемые в 205 стран. Огромный феникс олицетворял возрождение: он сново восстанет из пепла в Рио-де-Жанейро. Кажется, это классический образ всего, о чём ты здесь говоришь.

Итак, Джин, учитывая всё это: возвышение женственного (фемининного) стало замечательным сдвигом, если учесть тысячелетия, в течение которых мир скорее был структурой мужской гегемонии. Не только на Западе, но вообще по всему миру. Теперь на Западе возникновение женственного усиливается в данной культуре и распространяется во все уголки мира. Ты, конечно, вместе с Мэрианн Уильямсон, Кэйти Бейтсон и несколькими другими женщинами, посещаешь Белый дом и помогаешь Хиллари Клинтон понять культуру, включая сюда и проект «Требуется целая деревня» и тому подобная.

Джин: Да, я помогаю написать книгу [«Требуется целая деревня» — «It Takes a Village»].

Берт: Вот именно. Какими ты видишь следующие шаги для женщин? Также я упомяну здесь, коль скоро ты так много говорила о традиционных универсальных кодексах отношений между мужчинами и женщинами: что насчёт женщин в общем, какова их роль в этом переходе, в возникающей культуре, стремящейся родиться, а также уровнях реинтеграции женственного, — каковы твои взгляды на данный момент?

Джин: Позволь мне тебя спросить: как ты это видишь? Просто любопытен твой взгляд как мужчины.

Берт: Что ж, будучи мужчиной, я считаю, что мы наблюдали самое удивительное движение по достижению свобод нашего времени, а возможно и всех времён во многих аспектах. Уравновешивание этих сфер ценностей, достижение женщинами свободы к равноправному участию в обществе, принятию лидерских позиций и ролей: похоже на оживление субъективности в сопоставлении с объективности, нарратива в сопоставлении с эмпиризмом, всех измерений чувствования и нормализация этого, требование выражения этого. Считаю, что мужчинам, адаптивно и эволюционно, требовалось во многом это подавлять для того, чтобы отогнать медведя и тому подобное.

Происходит нечто совершенно новое в человечестве: я считаю, что усиление женственного приобретает руководствующую роль. Думаю, мы пытаемся во всём этом разобраться. Мы находимся в этом всего-то каких-то несколько мгновений. Мужчинам, мне это принесло большую путаницу: когда же нужно быть сильным, безмолвным типом, когда же нужно уметь поделиться своими чувствами. Считаю, что культура как-то это всё формирует по мере того, как мы идём дальше.

Я всё ещё люблю аналогичные высказывания, сделанные Стивеном Хокингом и Эйнштейном: когда их спросили о величайших тайнах вселенной, оба ответили: «Чего же хотят женщины?» Это указывает на спонтанность бытия в настоящем, которого от мужчин требует много сходства и непрерывности, а женщинам даётся непосредственно и спонтанно. Я много танцевал с этим в последнее десятилетие, пытаясь установить с этим отношения, но зачастую это таинственно и запутанно.

Джин: Да, это и таинственно, и запутанно. Однако позволь мне вернуться к тому, с чего мы начали: с тех женщин, которые сидели рядом со мной, и отрицательно качали головами. [Смётся.] Это так забавно!

Берт: Да, в Германии.

Джин: Там присутствовало, кажется, шесть женщин, все они были очень опытные. Одна из тех замечательных вещей. И все они говорили о великом секрете, о котором никто не говорит (хотя в ООН иногда в частном порядке мы его обсуждаем): когда вы путешествуете по всему миру и находите, кто занимается делом: я имею в виду не физической работой, а созданием программ, стратегированием, проектированием, приведением вещей в реальность: более 70% из них — женщины. Нередко это женщины определённого возраста. Постменопаузная изюминка более не является метафорой! [Смеётся.]

На самом деле именно бабушки занимаются созидательным делом. Они не боятся смерит, они не боятся выразить себя, иногда они оказываются довольно шумными и назойливыми зверьками, но, боже правый, именно они делают дело. Это огромная подковёрная история, которую никто не рассказывает. Однако женщины при деле. Они обретают свою силу. Ставят под сомнение то, как существуют вещи. Выстраивают новые общественные порядки. И благодаря тому, что они делают акцент на процессе, а не продукте или росте, женщины находят себя более приспособленными к тимбилдингу, к проведению предприятий через естественные стадии роста. Стало быть, управление, игры, образование, работа, здравоохранение и само общество медленно, но верно приходят к новому стандарту: стандарту,

который поддерживает и, я уверена, ценит полноту того, кем и чем мы можем быть, а не просто коллективных прав и свобод.

Так что и вправду: по всему миру я встречаю женщин, которые бросают вызов самым сексистским социальным институтам — от медицинского истеблишмента до деловых организаций. Я считаю, что происходит следующее: их творчество начинает высвобождаться. В процессе моей работы во многих странах с общественной артистичностью — развитием человека в свете социальных изменений — я получила много вдохновения от признания и благодарности по отношению к тому, что делают женщины для того, чтобы провести глубинные изменения в эти трудные времена. И, как я отметила, мы видим женщин определённого возраста, которые инициативны в рамках широкого спектра областей социальных изменений. Они уже видели, как повзрослели их дети, или же у них другой равноценный опыт, они более бесстрашны относительно последствий для личности, они смелее рискуют. Так что они созидательны, они выполняют необходимые общественные проекты; они ругают, они вдохновляют, они учат, они воплощают вещи в реальности!

Когда Далай-лама несколько лет назад сказал, что именно женщины спасут мир, при всём уважении к Его Святейшеству, мне кажется, что, хотя западные женщины, очевидно, имеют больше преимуществ, чем остальные, всё ещё справедливо утверждение, что в незападных странах женщины всё ещё ищут свою силу и власть. Они доверяют, они развивают свои творческие инструменты, они осуществляют глубинные изменения, невзирая на всё то, что зачастую становится ужасающим, ужасающим ответным ударом. Мы живём во времена изменения хранителей на всех уровней, когда каждая данность доступна для разыгрывания, это судьбоносный толчок в драматургии мира: распад и прорыв во всех устаревших способах бытия и познания, отношений, управления, убеждений… основания всего и вся претерпевают разрушение. Иногда ситуация даже позволяет появиться новому порядку реальности, включая и общество динамического партнёрства между мужчинами и женщинами.

В течение всей истории, конечно, наблюдалось множество культурных сдвигов. Но я убеждена, что теперь перед нами созревает коллективный сдвиг: более быстрый, более сложный, чем что-либо известное миру ранее. Другие исторические эпохи думали, что именно они ключевые. Они ошибались. Но наша эпоха такова.

Сейчас время необычайного перехода: мы более не можем позволить себе жить в качестве подправляющих участников человеческого вида. Напротив: новый набор

ценностей — холистических, синкретических, отношенчески и процессуально ориентированных, органических и духовных — поднимается как внутри нас, так и вокруг. Всё это, разумеется, женские ценности, женский гений, женские таланты. И хотя старые силы, традиции и страхи стремятся кардинально нас ограничить, мы знаем, что нет пути назад. На самом деле нет.

Наши сложные времена требуют более широкого использования своих способностей, звучания более богатой музыки, издаваемой инструментами, нам подаренными. И мир придёт к изобилию только если мы сможем вырасти. Потенциально возможное общество станет реальностью, только если мы научимся становиться потенциально возможными людьми, какими мы способны быть. Вся моя жизнь посвящена исследованию и вызыванию этого человека возможного. Многие женщины приходят к тому, чтобы воспринять себя в качестве скиталиц и родителей этого нового возникающего мира, тут не помогут никакие старые формулы и временные решения. Всё так, поэтому я теперь и вправду считаю, что медленно, но верно, со множеством ответных реакций, движемся к этому партнёрскому обществу, без которого, как мне кажется, люди в этом мире не смогут выжить более нескольких сотен лет.

Берт: Джин, хочу тебя спросить, считаешь ли ты, что наш вид, будучи передовым краем жизни на планете, под риском исчезновения? И/или, возможно, наш ждёт событие видообразования, если мы хотим адаптироваться в каком-то смысле к радикально другому миру? Мы, будучи протогоминидами, уже прошли через 25–30 событий видообразования. Интересно, каковы твои взгляды на то, что может произойти далее? С интеграцией женственного и столь многих более ранних кодов, если говорить в терминах спиральной динамики, вплоть до сегодняшнего дня развивались различные системы смыслосозидания. И мы близки к тому, чтобы возродить некоторые из ранних форм на совершенно новом уровне гармонии вещей…

В контексте интеграции науки с телом, различных синтетических органов, всевозможных странностей в таком духе очень многое говорится. Есть ещё идея сингулярности, того, как мы будем метаморфизировать в прото-человеко-углеродные машины каким-то образом. Некоторые из нас по размышлении на эту тему, с одной стороны, испытывают тревогу, а с другой — изумление. У нас есть привязанности к старым способам бытия, ко всему культурному наследию нашего вида, в каком-то смысле. Каким должно быть наше отношение к непостоянству, если понимать его с точки зрения культуры мудрости, коль скоро сама природа

изменения является типичным примером того, что есть жизнь на самом деле, равно как и то, как даже клетки в нашем теле постоянно заменяются. Предвидишь ли ты какие-либо видообразовательные события, которые могут нас ждать?

Джин: Вопрос напомнил мне о старинном анекдоте… Приходит новость, что мир скоро будет погрузится в океанические пучины. Уровень воды поднимается, через три дня нам всем триндец. Папа Римский встаёт и говорит: «О народ мой, пожалуйста, молитесь, ведь скоро вы войдёте в царствие небесное, и Творец вернёт вас к себе. Настал конец, но молитесь, чтобы попасть в хорошее место». Муфтий говорит своему народу: «О все вы правоверные мусульмане, приготовьтесь отдаться неизбежной смерти, подготовьте себя для перехода в тот мир». А главный раввин в Иерусалиме говорит: «Слушайте, народ, у вас три дня, чтобы научиться жить под водой!» [Смеётся.]

На мой взгляд, факт в том, что воспринимаемое нами в качестве сознательной эволюции и вправду может включать (и я считаю, что сознательная эволюция происходит прямо сейчас среди нас), а также одновременно с этим и стремиться к сингулярности. У нас будет предостаточно времени перед тем, как попасть в сингулярность. Но это не означает, что мы живём под водой, хотя отрастить жабры может быть и не такой уж плохой идеей. Однако я считаю, что мы подходим к тому, что я могла бы назвать вторым Происхождением (как в Книге Бытия). Мы прошли через первое Происхождение, возможно пребываем в его конце. Теперь мы в той точке, где можем пересотворить себя.

Вся моя работа касалась пересотворения своего «я», по сути — психологического, духовного и физического «я». Но задействованы и другие вещи, как указывают люди, вроде Рэя Курцвейла: мы стоим на историческом распутье, вероятно, добравшись до нового порядка судьбы. Так что, раз уж мы начинаем перепроектировать себя, перво-наперво мы начинаем изнутри со своей психики, — именно это и дало начало движению за человеческий потенциал в 1960-е, а теперь мы должны вести речь о настоящем целостносистемном дизайне.

Вот ещё одна метафора: представьте себе, что мы могли бы думать о себе как об экспериментаторах. Что же я имею в виду? Вот мы здесь, на этой маленькой-премаленькой планете, крутящейся вокруг очень скромного солнца, на краю нашей галактики Млечный путь. Мы не в центре, мы где-то на внешней спирали, и именно здесь вы бы и выстроили экспериментальные лаборатории. Понимаете, у вас есть кошерный бизнес на основной автостраде [смеётся], а вот тут, в закоулке, вы можете проводить взрывные работы, экспериментировать в своей лаборатории.

Итак, вот пред нами эта необычайная ситуация кризиса, вызова, сложности, в рамках которой мы можем заново вырастить себя. Чтобы стать кем? Станем ли мы фасилитаторами процессов в других видах деятельности на различных планетах или в различных системах, жизненных системах? Похоже, что мы в месте, где можно провести необычайный массив подготовительных работ.

И мы в определённой точке прыжка, особенно женщины, ведь мы более не можем устойчиво поддерживать жизнь большего населения. У нас уже два с половиной раза больше людей, нежели количество, которое может поддерживать планета. Планета предназначена примерно на два с половиной миллиарда. Итак, что же нам делать? Полетим ли мы к звёздам? Создадим ли мы парадиз на Земле? Возможно, это часть величайшей дилеммы, именно поэтому так много научной фантастики, служащей в качестве пророческой литературы, теперь указывает путь к звёздам. Или же, если в других формах, мною представляемых, дело в сотворении мира, который по-настоящему работает, но определённо с меньшим количеством населения. Вероятно, речь идёт о том и другом вместе.

Вопросы и ответы

Вопрос от Джо: Брайан Свимм, космолог, очень красиво сказал: «Всё становится всё лучше и лучше, всё хуже и хуже, всё быстрее и быстрее».

Джин: Точно так! [Смеётся.]

Джо: И я убеждён, что чем выше мы продвигаемся по эволюционной спирали, тем более свободными, более наполненными, более бесстрашными мы становимся. Но я побился бы об заклад, что, вероятно, слепое пятно интегрального сообщества состоит в вопросе подготовки. Я свёл это к трём вещам: повышение осознанности; подготовка к лучшему, будучи готовыми к худшему; а также: строительство сообщества. Стало быть, иными словами, Джин, народ ищет решения, но, возможно, не проводит адекватной подготовки. Я вижу, что есть проблемы с питанием, водой, деньгами т . д., о чём не особо-то и говорят. Знаете, ведь когда вы летите в самолёте, вам говорят надеть кислородную маску сначала на себя, а потом уже на других. Так что мне интересно, что вы могли бы сказать на эту тему?

Джин: Спасибо. Ну, что ж, знаете, это серьёзный вопрос. Вопрос подготовки. Я и вправду верю, что мы как раз в актуальный для подготовки период. Опять же вся моя работа посвящена подготовке людей к тому, чтобы стать человеком возможным. Мы много теории знаем о человеческом развитии, но прикладные аспекты довольно скудны. Итак, как же нам действовать? Сейчас интенсивный

период для служения побуждению к становлению, которое будит вас утром, словно гром среди ясного неба: «Ба-бам!» Ну понимаете: «Проснись же, тупица! Пора уж тут решать всё!» По крайней мере, именно это меня будет по утрам.

Именно погружение в эту область создало все течения движения за человеческий потенциал буквально по всему миру. Мой друг, Дипак Чопра, сейчас в Китае, обучает десять миллионов людей одновременно! Так что действительно дело раскручивается. Но нам и вправду нужно вырасти в смысле тела, разума и духа для того, чтобы понимать то, что, по моему мнению, сейчас происходит, то, что я назвала бы репаттернизацией человеческой природы. Горизонт изменений, я искренне в это верю, взывает к паттернам и потенциалам в человеческих системах сознания — мозга, которые, насколько мне известно, ранее никогда не требовались в массовых масштабах. Речь идёт о тех паттернах, которые в прошлом считались «иными способами познания». А теперь те познания, которые раньше относились к бессознательному, проникают в сознание. Переживания, которые принадлежат экстраординарной реальности, становятся ординарными. Учитывая пересечение столь множества способов бытия, приходящих со всех уголков планеты, карты психики и человеческих возможностей проходят через кардинальную трансформацию. Если мы хотим выжить в следующие пару столетий, нам обязательно нужно научиться посещать творческие мастерские разума, чтобы решать проблемы, создавать искусство, поэзию и изобретения.

По всему миру наблюдается волна семинаров и учебных групп, исследующих новые способы бытия и делания. Я пришла в своей работе к тому, что большинство людей, как мужчин, так и женщин, по прошествии обучения способны научиться мыслить, чувствовать и знать новыми способами: они могут углубить своё творчество, воображение, вдохновение в реалистических пределах, развив более глубокое осознание, которое лучше вооружено, чтобы справляться со сложными вызовами современной жизни. Сознание, которое создало проблему, не может быть тем же сознанием, которое её решит. Но сознанию, которое способно возвыситься до решения, требуются модели своих собственных зрелых способностей — видений того, чем могут быть люди, что они могут делать, выходящие за пределы ограничений академической преуспеваемости и тому подобного. Я вижу, что при проведении базового исследования в течение столь многих лет, что утраченные измерения сознания могут быть восстановлены и использованы на практике.

Когда вновь обрисовываются разум и тело, тогда психофизические способности, такие как целительство и самоисцеление, способность овладевать творческими или

атлетическими навыками, способность быстро учиться многократно усиливаются. Я вижу, что большинство людей невероятно просто обучить мыслить образами столь же хорошо, как и словами; научить всем своим телом собирать урожай творчества из внутренних ландшафтов. Человек может настолько, настолько больше. Можно научиться играть со всем спектром сознания, не застревая в каком-то одном узком диапазоне, вместо этого обретя способность выбирать состояния сознания, которые способствуют концентрации, осознанности, творчеству, духовному росту.

И я восхищаюсь тем, что наш внутренний мир столь же обширен, как и внешний, будучи столь же наполненным историями, мифом, символами, архетипами, богами и богинями. Эти приключения души убеждают меня в том, что мы, люди, обладаем неотъемлемым от нас инструментарием для того, чтобы быть актёрами, режиссёрами, сценаристами и продюсерами в театре мира. Именно поэтому меня наполняет надежда.

Вопрос: Джин, мне очень нравится всё, что вы говорите. Но больше всего мне нравится, когда вы начинаете говорить о том, что мы можем сделать. Я записала ваше высказывание о том, что мы не подготовлены к ускорению. Вопрос для меня таков: есть ли какие-то тренировочные лагеря по обучению этому? [Джин смеётся.] И вы этим занимались, очень радостно знать это, так что продолжайте свою деятельность, делайте больше!

Джин: Что ж, очень скоро я начну серию онлайн-семинаров по весьма доступной цене, посвящённую именно этим вещам. Разумеется, через «Evolving Wisdom» я занималась тем же. Но вот что я делаю: веду школы таинств и школы по социальной артистичности. Вы можете зайти на мой вебсайт JeanHouston.com, найти много информации. Много чего есть ещё. Считаю, что распространение ситуаций мудрости — семинаров и возможностей — таково, что теперь мы и вправду имеем доступ ко всем этим вещам. Те из нас, кто хочет их достичь.

Однако позвольте мне отметить ещё кое-что, ведь я хочу отметить кое-что, что не касается денег. Много лет назад я присутствовала у смертного ложа Маргарет Мид. Неожиданно она привстала с кровати и сказала: «Слушай, забудь всё, что я учила тебя относительно работы с правительствами и бюрократиями!» Я воскликнула: «Ну и теперь ты мне всё это говоришь?! Теперь?» Она ответила: «Да, я лежу здесь, будучи антропологом, на смертном одре — удивительный опыт. К нему нельзя приделать никакой иерархии. И я понимаю, что если мы хотим развиваться и озеленить своё время (таковы были её слова), нам действительно нужно обеспечить

непрерывные сообщества преподавания/обучения, в которых люди могли бы собираться, расти вместе, выполнять твою, Джин, работу, другие виды деятельности; что бы то ни было, они бы вместе росли телом, разумом и духом».

И она подчеркнула, сказав: «Это не психотерапевтическое сообщество, ведь в таковом легко наткнуться на психических хищников, которые съедают всё время и внимание. Нет, не так: это сообщество роста». И, когда они будут встречаться раз в месяц или какой бы срок они ни выбрали (она считала раз в неделю лучшим сроком), они будут расти. В результате этого роста они осмыслят то, что они могли бы привнести в мир и сделать, зажигая всё больше людей. И они будут выходить, делать свою работу, которую ранее не могли сделать: по-настоящему оставить след в том, что можно назвать возрождением общества.

Разумеется, по мере того, как перерабатываются шаблоны самости, то, как мы относимся друг к другу, обязательно меняется, равно как происходит и открытие новых стилей межличностных взаимосвязей, новых способов бытия в общинах, учитывая глобальное общество. И, конечно же, переход происходит от эгоцентризма к этноцентризму и мироцентризму — фундаментальное изменение цивилизации, по-настоящему неотразимый выход за пределы менталитета и социальных институтов последнего тысячелетия.

Вопрос: Мне понравилось, когда вы описывали женщин среднего возраста, я являюсь одной из них, я одна из «скачков силы тока». У меня нет вспышек: я говорю, что у меня скачки силы тока. Однако так это назвал один мужчина, и я клянусь, я не единственная такая, есть и другие женщины: мы — женщины за занавесом, у всех нас есть скачки силы, мы в некотором смысле обеспечиваем работу этого конференц-звонка за кулисами. Посему я могу на своём опыте подтвердить то, что вы говорите о бабушках и женщинах среднего возраста. Мне очень понравилось то, что вы сказали; я это оценила. Никогда я не смотрела на это с данного ракурса.

У меня действительно есть вопрос для вас. Я знаю, что несколько лет назад в своей книге вы описывали предательство и то, чему оно может научить. Не могу найти цитату из Карла Юнга, которое точно бы описывало это высказывание. Звучало как-то так: «Предательство — ведущий инструмент эволюции». И, не вдаваясь в детали, хотела бы подтвердить истинность данного положения. В моей жизни самые мучительные и травмирующие предательства были моментами сильнейшей трансформации. Никогда бы я не преобразилась без этих предательств. Я надеялась, что, быть может, вы сможете немного коснуться этого вопроса.

Джин: Что ж, можно обнаружить, что в природе предательства нередко есть священная сила, ведь предательство часто становится тем, что выдёргивает коврик из-под нашей души, нашего привычного способа бытия. И оно может либо привести к состоянию жертвы на годы вперёд, при котором мы вовлекаемся в то, что Юнг описывал как «неподлинное страдание», которое может продолжаться, и продолжаться, и продолжаться, а мы умудряемся защитить диссертацию по своей патологии. Или же оно может открыть нас для пространств понимания сострадания. Рана зачастую ведёт в глубину, в глубины истоков улучшения этого мира, что, как я поняла, становится экстраординарной возможностью.

Знаете, это ведь часть созидания души. Подобно тому, как созидание зерна начинается с ранения, яйцеклетки — сперматозоидом, или взаимного ранения, сходным образом созидание души начинается с ранения психики тем, что я назвала бы большей историей. Под этим я подразумеваю следующее: предательство есть один из путей осуществления наиболее жизненно важных форм ранений, не так ли? Созиданию души требуется, чтобы вы умерли для одной истории, дабы возродиться для более крупной. Как я уже сказала, ренессанс происходит потому, что границы души нарушаются, а в своём ранении психика открывается, новые вопросы начинают задаваться касаемо того, кто же мы есть в глубинах себя.

Эти мощные вопросы должны вести не к отчуждению, уходу, а к засеиванию мира, включающего только что высвобожденные силы души. Я обнаружила, что более крупномасштабная история в моей жизни открылась ранением. Так что одна из вещей, которые можно рассмотреть: видеть предательства, раны как нечто, что ослабляет узлы, нас опутывающие в нашей культуре и собственной психике. Случаи ранений и предательств ускоряются и приходят под множеством масок. Просто подумайте о тех, которые нам встречаются: болезни; несчастные случаи; генетические дефекты; дефекты, полученные при рождении; нарушение границ личности; насилие над детьми; пытки; ограбления; потеря глубинной взаимосвязи с Землёй; потеря работы; распад брака; схождение с ума; падение самооценки; потеря социального статуса; потеря финансовой безопасности… подумайте и о ранах, затрагивающих целую Землю.

Чем является ранение, так это мучительной экскурсией в пафос (*древнегр.* «pathos») — в котором велика тоска, а страдание разламывает границы всего, что, как мы считали, мы могли бы вынести. И всё же в своей работе я пришла кое к чему, что описала в книге «В поисках возлюбленного»: само ранение содержит в себе семена исцеления и преображения. Это не какое-то новое открытие. В древнегреческих

трагедиях боги вынуждали самих себя оказываться в человеческом сознании в периоды пафоса. В древнегреческих трагедиях зачастую именно во времена ранений, — будь то в истории Эдипа или какой-то другой, неважно — герой вырастает до более крупномасштабного понимания, что представляет собой жизнь, и приобретает способность действовать соответственно.

Так что это становится периодом, когда мы оказываемся способны освободиться от своей старой истории и стать проводником новой истории, чтобы она могла возникнуть во времени. Однако когда мы неспособны это сделать, мы, как правило, повторяем ту же самую историю вновь, вновь и вновь. Если у кого-то невроз или психоз, его истоки, вероятно, лежат в ранении, которое не было проработано до своего истока в более крупной истории. Ведь когда мы смотрим достаточно далеко и глубоко, то находим, что наши раны имеют архетипическую силу. Раскрытие их мифического основания бросает перед нами вызов — жить более глубокой жизнью. Вы упомянули ту цитату из Юнга, мне кажется, речь идёт о том, когда он сказал, что не безразлично, называете ли вы что-то манией или богом. Служить мании отвратительно и недостойно; однако служение богу, служение большей истории наполнено смыслом. Спасибо вам за этот вопрос.

Джин Хьюстон

Джин Хьюстон (Jean Houston), PhD — учёный, философ, писательница, лектор, преподаватель и исследователь человеческих способностей, одна из выдающихся мыслителей-визионеров и деятелей нашего времени. В течение уже длительного времени у неё репутация одного из важнейших основателей Движения за человеческий потенциал. Д-р Хьюстон известна благодаря своей междисциплинарной перспективе, которой она делится в своих вдохновляющих и наполненных юмором выступлениях. С 2003 года она сотрудничает с Программой развития ООН, обучая лидеров человеческому и культурному развитию, а также социальной артистичности — программе общинного лидерства, которую она разработала. Вместе со своими другими международными агентствами и организациями за последние 45 лет д-р Хьюстон работала в более чем 100 странах мира.

Берт Парли

Д-р Берт Парли (Bert Parlee) является старшим консультантом, исполнительным коучем и управленческим консультантом в компании «Integral Development Associates». Он лицензированный клинический психолог, имеющий частную практику и проводящий лайф-коучинговые сессии в Милл Уэлли, штат Калифорния. Берт работает вице-президентом и главой персонала в колорадском Интегральном институте Кена Уилбера, где он также работает в качестве тренера и фасилитатора больших групп. Он был соведущим и фасилитатором семинаров по спиральной динамике вместе с д-ром Доном Беком. Он также работает исполнительным коучем в Институте лидерства Стаген в Далласе, а также соведущим семинаров «The Empowerment Dynamic» вместе с основателем TED Дэвидом Эмеральдом.